

Татяна Иванько

Золото. Том 7

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Золото. Том 7 / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 114 с.

ISBN 978-5-532-93273-9

Заложены кирпичи, установлены брёвна, засеяны поля будущего благополучия и процветания, и возрождение Нового Севера идёт полным ходом, набирая обороты с каждым днём, воодушевляя и придавая сил. Не помешают ли этому демоны раздора и непонимания? Или всё же ангелы любви и прощения окажутся сильнее? Не покинул ли Бог Солнце свой народ и Великого жреца, может ли действительно восстать Север и вновь быть Великим? Смогут ли герои, примирившись и объединившись, продолжить начатое дело? И что их в этом будущем ждёт?..

ISBN 978-5-532-93273-9

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 24	4
Глава 1. Превратности любви	4
Глава 2. Опьянённые	23
Глава 3. Никогда...	34
Часть 25	45
Глава 1. Отвращение	45
Глава 2. Огонь и угли	54
Глава 3. Суд и судья	66
Глава 4. Смятение	74
Часть 26	88
Глава 1. Безлунная ночь	88
Глава 2. Весёлое солнечное утро	96
Глава 3. Успею!	110

Часть 24

Глава 1. Превратности любви

Ганеш. Я здесь не был много лет. Ещё когда-то мальчишкой, отец посылал меня по городам Севера, чтобы я увидел страну, царство изнутри, не из царского терема, познакомился с порядками, с особенностями каждого города, узнал старост, чем эти города живут, что волнует их жителей. Впоследствии дядья ездили с такими поручениями, не реже, чем раз в год-два. Так Яван и задержался когда-то здесь.

Здесь очень красиво. Окрестности Ганеша, пожалуй, самые красивые на всём Севере. Вокруг города с трёх сторон густой лес, с прозрачной берёзовой рощей на востоке, и высокими, ровными, похожими на мачты соснами на западе и юге. А с севера – огромное озеро в окружении скал и громадных валунов на берегу, уходящее за горизонт. Его громадное зеркало в тихую погоду отражает небо и, кажется, что Ганеш построен в небесных чертогах.

Вот в такую тихую погоду мы и стояли сейчас на берегу вместе с Авиллой. Думал ли я, что вернусь в этот город вот так, что буду стоять у этого волшебного озера рядом с моей царицей? С царицей заполняющей меня до краёв?

– Красиво здесь, – сказал я Авилле, обернувшись на неё.

Она вся золотится в оранжевых лучах заката.

– Хочешь, искупаемся? – засверкала улыбка.

– А увидит кто? – усмехнулся я.

– Царю всё можно. И не увидят. Я знаю местечко, где можно незаметно... – она улыбается, как само солнце никогда не улыбалось мне.

Мы спустились в маленькую бухточку, закрытую со всех сторон громадными камнями, но у самой воды небольшой кусочек берега со светлым мелким и мягким песочком.

Мне приятно смотреть, как Авилла снимает платье, чулки, украшения, подняла руки, пристраивая косы на голове, чтобы не

намокли. И улыбается всё это время, глядя на меня. Какое-то счастье просто смотреть на неё. Просто видеть её. Никаких больше разлук. Никогда. Никогда.

– Предупреждаю, вода как лёд, – насмешливо сказала Авилла, глядя через плечо, как я снимаю одежду. И мне хорошо от её взгляда.

– Напугала, подумаешь! – расхрабрился я. – У Солнцеграда купались ведь, там тоже никакого тепла.

Какой лёд... Вода намного холоднее льда. Обожгла кожу, схватила за сердце. Авилла смеётся, по-моему, чтобы не визжать. Проплыв немного, мы всё же привыкли к дикому холоду, я хотя бы перестал чувствовать, кроме сердца всё во мне застыло. И всё же, вскоре я начинаю чувствовать, что холодно даже моим костям, ногти у меня стали синие...

– Может... – не очень решительно спросил я.

– Поплыли на берег, – улыбнулась Авилла.

Губы у неё тоже посинели. Но не дрожит, плывёт быстро, мощно, едва ли не быстрее меня...

Мокрый песок на берегу кажется горячим после этой воды. Мы смеёмся, огонь на коже... и воздух кажется горячим. И губы её так горячи, но ещё горячее язык за ними. Кожа холодна под моими ладонями, но сердце полно бьётся в груди, и моя рука согревается его биением... Авилла жизнь моя...

Мой маленький отряд отделился от границы Солнцеграда как раз накануне той ночи, когда погиб великолепный город. Мы не успели отойти далеко, гроза застала нас, встали маленьким лагерем. А ночью ужасный грохот со свистом разбудил нас, перекрыв все звуки грозы.

Выскочив из наших шатров, мы ничего, кроме мрака и всполохов молний, ближних и дальних, не увидели. Лишь странная и пугающая тишина расстилалась под грозой. Разве мы могли подумать, что надо посмотреть в сторону оставленного Солнцеграда, тогда в свете молний мы увидели бы всё...

И только наутро, когда вышли и стали сворачивать лагерь, чтобы двигаться дальше поняли, что странным образом изменились

окрестности: появились множество новых ручьёв, и не от дождя, он окончился ещё до рассвета.

Похоже... Мне стало дурно, когда я поняла это: если бы мы стояли чуть ниже, лагерь наш смыло бы. Когда мы поднялись на вершину ближнего холма, с которого виден Солнцеград и обернулись, мы все замерли в оцепенении: вместо хорошо известных всем нам великолепных видов Солнцеграда, что сверкал на Солнце отблесками от золотой статуи Бога Солнце на площади посреди Солнечного двора, вместо множества затейливо построенных теремов с разноцветными крышами, которые для сохранности от грибков и влаги красили красками, сделанными по древним рецептам на основе тех веществ, солей... или как их там, разбирался только Бел да мои лучшие жрецы... Красили и стены домов. И вот, вместо всего этого, вместо двойной стены вокруг, старой, уже серой и новой светло-коричневой с жёлтыми верхушками, почерневшими, впрочем, после недавнего сражения, вместо всего, мы увидели безмолвный серый настил из потрескавшегося, будто морщинистого льда.

Мы молчали долго, не в силах произнести ни звука, замерев от ужаса перед представившейся чудовищной катастрофой. Холод смерти будто прикоснулся к нам.

– Это... что это такое?... – дрожа, произнёс кто-то рядом со мной.

Белогор не мог этого не предвидеть... Вот почему они и выжидали, не возвращались в город. Он знал. И вернее всего, давно. Вот и отдали Дамагою город. Думали, что его накроет здесь, нападения его не ждали, наверное...

Но ждали-не ждали, а он проиграл его... И я вместе с ним. А теперь не осталось даже столицы. Даже столицы...

Мы долго в оцепенении и растерянности стояли, над погибшим Солнцеградом, не в силах не только поверить, но хотя бы осознать, что всё, что мы видим не дьявольское наваждение. Потом, поняв, что мы спаслись, уехав за полдня до произошедшего, замолчали, охваченные страхом и опустошением, и много времени понадобилось, чтобы заставить себя двинуться дальше.

И произошло вот что, чего я ещё не успела придумать или предвидеть: мои люди быстро приписали мне провидение того, что слу-

чилось. Получилось, будто благодаря мне мы уехали вовремя и спаслись. Я не спорила. И порадовалась, что их вера в меня оказалась даже больше моей собственной.

Но это, оказалось ещё далеко не всё. И каково же было наше изумление и ужас, когда оказалось, что ни одного города не осталось на Севере...

Мы шли от одного к другому и встречали только небольшие временные поселения, появившиеся в стороне от прежних городов, накрытых теперь ледниками. В некоторых уже началось строительство. И споро шло.

Деревя вокруг сколько угодно, руки умелые, лентяев нет, для себя строят. Строили дома, накрывали досками будущие улицы, чтобы не было грязи. И выстроят, уже к зиме будут свеженькие города. Пока без стен, пока только для жизни. Но стены возведут, научились о врагах думать...

И нам не рады в этих будущих городках. Не гонят, но и не оставляют, смотрят мрачными зрячками, не улыбаются, до земли не склоняются, как раньше. Потеряла Лунная жрица свой Север. Никто не верит Доброгневе. И скрыть, кто я есть, чтобы подольститься заново, невозможно, кто на Севере не знает меня...

В один из нерадостных вечеров за трапезой кто-то из моих верных жрецов предложил:

– Может быть, уберёмся с Севера вовсе? Пойдём на юг?

А на лицах смятение и страх. Какой юг? Восток или запад? Кому мы нужны хоть где-нибудь...

– Али на восток? – будто мысли мои слышат. – Там тоже большие города.

– Чё же молчишь, Доброгнева? Схоронится тут на Севере негде.

Молчу... Что мне сказать им? Что можно сказать отверженным из-за меня? Из-за того, что мне не удалось ничто из задуманного? Можно пойти хоть к дьяволу, но кто я буду там? Схоронится? Живого похоронить себя? Но разве это не то, чего я боюсь больше всего на свете?! Больше смерти.

Ещё немного и станет вянуть красота, старость постучит в мои двери, что тогда? Дожить тихонько на оставшееся золото? Но жить

ником, в ничтожности я не только не привыкла, не хочу, не могу. Нет-нет, это не для меня, это худшее для меня.

А может... простят? Ведь никого я не убила. И не приказывала. Не успела, конечно, но они-то не могут этого знать. И Аве напрямую я не угрожала смертью... Скажу, что Дамагой в полон меня взял, тем и заставил...

А что? Его, конечно, казнили уже. Если не погиб в битве, так казнили...

Пойду к ним. Я знаю, они в Ганеше. Со своими всё лучше, чем на чужбине. Может, удастся снова подняться. Верховной жрицей не оставят, конечно, но... Неужто Белогор совсем не ценил мои ласки?.. И Яван?

И почему я Орикса не удосужилась пообольстить? Всё убивать его настраивалась, а он-то, бабник известный, точно по-другому ценил бы меня тогда. Молодым слишком казался, но молодые мужчины самые восприимчивые, как это я упустила? Такую допустила оплошность, что позволила Аве безраздельно его душу занять. Ах, Доброгнева, хитрейшая из женщин... Я...

Ах, Доброгнева, ошибки допускают все, и мои, похоже, могут решить мою судьбу. Будь Орикса в числе моих постельных друзей, может быть, мне и Явор не понадобился бы... И почему я была так недальновидна?! Но я слишком хотела и хочу его убить, уничтожить, чтобы никогда его не было, поэтому и не подумала ни разу обольстить его...

Во власти этих сожалений и планов на грядущее, я направила мои стопы к Ганешу.

Нет, Дамагой ещё не казнили. Я, Дамагой, я – Ольг, последний сын последнего природного царя Великого Севера, содержусь как домашний скот: сыт и в тепле, даже вином и мёдом поят, не обижают, сплю на перине. Но никто ни единого слова не говорит со мной. Никто. Стража, что охраняет меня, что приносит мне еду. Что приносят воды мыться, убирают, готовят и дают одежду, бороду стригут мне... и всё молчком. Ни одного слова, ни доброго, ни злого, ни даже

взгляда, ни от кого, будто посмотрев на меня, отравятся. Изошрённый способ пытки.

Я не знаю судьбы Авы, Белогора, даже Доброгневых. Живы они? В том нападении нашем они остались живы или погибли под мечами моих сколотов? А где Доброгнева? Пришла сюда и предала? Второе, скорее всего. Она своя среди них, это я успел стать чужаком на моей родине.

За прошедшие недели всё, что я мог – это только подслушивать сквозь стены палатки разговоры проходящих мимо людей. Так я и узнал, что города Севера погибли в одну из ночей, погребённые под сошедшими ледниками... В этот день я едва не умер. Я лёг на спину и не вставал несколько дней. Не мог ни есть, почти не пил даже воду...

Я лежал и думал, это мне наказание за то, что я пришёл и пролил столько невинной крови, за это Бог полностью отнял мой Север. Погубил его. Чтобы он не мог достаться мне. Чтобы я никогда так и не стал царём Великого Севера, он уничтожил сам Север. Бог мстит мне ещё страшнее, чем могут отомстить те, кто меня ненавидит.

Или я сам – это наказание для Севера за что-то?..

– Оставь, Бел, я не хочу! Не хочу! Оставь! – злится Ава, отталяющая мои руки, выгибаясь из моих объятий. – Как вы осточертели мне!.. Давайте ляжем втроём в одну постель, и станете попеременно взбираться?!

Я отпустил её, она опустилась на лавку со вздохом, прикрыла глаза ладонью, прядки волос выбились из причёски, колты качаются, серьги...

– Прости, Бел, прости!.. Я не знаю, что такое... – и заплакала.

Я понял это по задрожавшим кончикам пальцев.

– Авуша, милая, ну что ты?.. – я присел рядом с ней, силясь заглянуть в глаза. – Я не буду, не плачь.

Она порывисто обняла меня за шею, как ребёнок:

– Белуша, ты прости... прости меня, прости, злюка какая-то... Хочешь, возьми, я не буду капризничать...

Я глажу её по волосам, милая, что удивляться, столько переживаний, к тому же бремя. Не надо плакать, я не стану приставать. Я поцеловал её мокрые глаза, она плачет и плачет, прижимаясь ко мне, я уж мокрый весь от её слёз.

Наконец, стала затихать, вздохнула, положила голову мне на плечо, я посадил её себе на колени. Я держал её так часто, когда она была малышкой. Нередко она вот так плакала у меня на коленях, если приснится страшный сон или разобьётся. Я всегда был ближе всех, главный утешитель, самый близкий человек.

– Милый мой Бел... – не плачет больше, тихонечко поглаживает меня по плечам, отодвинулась, чтобы посмотреть друг другу в лица.

И мне стало легче и светлее на душе.

– Ну что, легче? – улыбнулся я, вытирая остатки слёз с её щёк, даже веки опухли. – Отплакалась?

Она тоже улыбнулась, кивая, засмеялась даже:

– Дура какая-то, а? – прогундосила она, шмыгая носом.

– Ничего, можно иногда, – смеюсь и я.

Я умылась, высморкалась, стало совсем легко. С Белом всегда легко. Он прощает всё, не обижается никогда.

Совсем не так с Орликом. Мы поссорились сегодня, потому у Бела и раскисла. Поссорились, потому что его желание то же, что всегда, а моё где-то заплутало, пока шли до Ганеша. То ли сам Ганеш так действует на меня, не знаю. То ли потери.

Размазанный Солнцеград, погребённый навеки подо льдом. Сложно чувствовать себя нормально после того, как увидишь, что все города твоего царства, почти все из которых ты успела хорошо узнать, помнишь их улицы, лица, даже запахи, что все они погибли. Это как терять близких людей...

Но Орлик полон сил и воодушевлён. Он вдохновенно строит новый Ганеш, превращая его в новую столицу нового Великого Севера. И много других городов строятся, они ездят смотреть. Это не тот уже будет Север, да и не Север вовсе, но процветающее и сильное царство.

Яван с ним, он поднаторел когда-то здесь же, борясь с бедствием, есть куда применить свои таланты создателя, этого в нём хоть